

УДК: 101

DOI: 10.15372/PS20250307

EDN: PMFQXT

С.А. Смирнов**ПОВОРОТЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА:
СМЫСЛЫ И РАМКИ.****Часть 2**

Работа является продолжением предыдущей статьи, посвященной поворотам в истории философии. Автор допускает, что истинный смысл понятия поворота наступает тогда, когда авторы поворота совершают в своей философской практике возвращение к родовому началу, к истоку, обращаясь к античным и далее мифологическим корням. Настоящий поворот наступает тогда, когда ставятся под вопрос онтологические основания и встает необходимость возврата к началу, чтобы посредством этого возвращения вновь совершить акт мышления, дабы вернуть этому акту онтологическую силу, а человеку – его исконное место, чтобы он вновь начал мыслить. В таком случае допускается, что истинный поворот начинается тогда, когда философ совершает новое другое начало, обращаясь к родовым истокам, восстанавливая тем самым духовную традицию.

Автор предлагает рассмотреть гипотезу, согласно которой все повороты, которые совершались в XX веке, суть части антропологического поворота, поскольку все они так или иначе касались прежде всего онтологического неблагополучия человека, касались различных сторон его деятельности, обнаруживая разного рода человеческие дефициты и нехватку: в познании, коммуникации, средствах и методах исследования, языке, логическом анализе, духовных практиках и т.д.

В таком случае разные виды поворотов, будь то лингвистический, риторический, прагматический и другие, выступают разными попытками восполнить тот или иной человеческий дефицит. Тем самым привычные и известные повороты в истории философии больше относятся к разного рода практикам по выработке тех иных средств, в которых нуждается человек: средств познания, средств коммуникации, средств мышления, языковых

средств. Но все они относятся к главному и постоянному – к антропологическому повороту, понимаемому как восстановление истока, обращение к онтологическому началу, восстановление места человека в мире.

Ключевые слова: поворот в истории философии; лингвистический поворот; прагматический поворот; антропологический поворот; смена онтологической установки; смена картины мира; методологический сдвиг

S.A. Smirnov

URNS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY IN THE 20th CENTURY: MEANINGS AND FRAMEWORKS.

Part 2

The work is a continuation of the previous article, devoted to turns in the history of philosophy. The author admits that the true meaning of the concept of a turn occurs when the authors of the turn make a return to the generic beginning in their philosophical practice, return to the generic source, turning to ancient and then mythological roots. A true turn occurs when the ontological foundations are questioned and the need arises to return to the beginning, in order to perform the act of thinking again through this return, in order to return ontological power to this act, and to man – his original place, so that he can begin to think again. In this case, it is assumed that a true turn begins when a philosopher makes a new, different beginning, turning to ancestral sources, thereby restoring the spiritual tradition.

The author proposes to consider the hypothesis according to which all the turns that took place in the twentieth century are parts of the anthropological turn, since all of them in one way or another concerned primarily the ontological ill-being of man, concerned various aspects of his activity, revealing various kinds of human deficiencies and shortages – in knowledge, communication, in the means and methods of research, in language, logical analysis, spiritual practices, etc.

In this case, different types of turns, be it linguistic, rhetorical, pragmatic and others, act as different attempts to fill this or that human deficit. Thus, the usual and well-known turns in the history of philosophy relate more to different kinds of practices for the development of those other means that a person needs – means of knowledge, or means of communication, or means of thinking, or linguistic means. But they all relate to the main and constant – to the anthropological turn, understood as the restoration of the source, an appeal to the ontological beginning, the restoration of the place of man in the world.

Keywords: turn in the history of philosophy; linguistic turn; pragmatic turn; anthropological turn; change of ontological attitude; change of worldview; methodological shift

В первой части статьи мы рассмотрели понятие поворота с разных точек зрения и на разном материале. Мы попробовали представить феномен поворота в разных проекциях: поворот как смена картины мира, как смена онтологической установки, смена методов или способов мышления (методологический поворот), смена научной темы или повестки. Мы увидели, что в большинстве своем носители тех или иных поворотов в XX веке предлагали фактически смену научной повестки и доказывали необходимость в связи с этим поиска новых средств и методов исследования. При этом в основании данных исследований сохранялись старые онтологии и установки. Смена повестки происходила в течение всего века достаточно часто, а список поворотов постоянно рос. Вместе с тем, как мы полагаем, не каждый вновь объявленный поворот может называться собственно поворотом, поскольку не предполагает ни смены онтологии, ни методологического сдвига, ни смены картины мира.

Поворот как другое начало

Г.-Г. Гадамер в предисловии к сборнику своих работ по герменевтике и эстетике для русских читателей заметил:

«Немецкая философия нашего столетия ... характеризуется решительным поворотом – событием, которое в такой форме едва ли могло произойти в других странах Европы. Я имею в виду шаг, совершенный Гуссерлем и Хайдеггером, а также теми, кто учился у них. ...Это переход от мира науки к миру жизни ..., выход за пределы научного факта должен был означать для Германии нечто совсем иное и почему в наши дни мы ждем от философии жизненного мира всей широты жизненного опыта и его оправдания, его прояснения и обогащения» [3, с. 7].

Это было написано им в конце жизни, в 1990 году. В другой работе он вспоминал:

«Мои студенческие годы пришлись на эпоху, когда Европу вследствие первой мировой войны начинал захватывать процесс всеобщей

провинциализации ... Мир потерял ориентиры. Нам нужны были новые идеи, практически же мы были ограничены внутринемецкой сценой ... Помог Хайдеггер. Одни благодаря ему поняли, кем был Маркс, другие – кем был Фрейд, а все мы в конце концов поняли, кем был Ницше. Мне же благодаря Хайдеггеру открылось, что теперь мы можем “повторить” философскую мысль греков. ... На примере Платона и Аристотеля стало возможным учиться тому, что любое философское мышление есть дальнейшее продумывание изначального опыта мира. ... Тогда Аристотель и Гегель, Кант и Хайдеггер, Уайтхед и Витгенштейн – примечания к Платону, участники бесконечного диалога. ... То, что привело Хайдеггера с его мышлением к “повороту”, можно было описать как пограничный опыт нашего самопонимания ... Философствование не начинается с нуля – ему надлежит возвращать язык философии, отчужденный от сказующего смысла своей речи, к высказыванию того, о чем идет речь» [3, с. 9–14].

Фактически Г.-Г. Гадамер указал на определенную историческую ситуацию, которая нуждалась в повороте, означающем онтологическую оглядку назад и вглубь, попытку совершения нового шага через возвращение к началу и переосмысление основ мира, начиная с древних греков, обращение к базовым вещам, основам, пограничному опыту, чем занимались всегда в истории философии.

Фактически первая четверть XX века была такой серией возвратов к началу: назад «к самим вещам», к бытию, к новому началу, к истоку, к сути вещей. Тем самым, если относиться к высказываниям Г.-Г. Гадамера методологически, как к правилу, объясняющему любую историческую ситуацию, чреватую поворотом, то последний рождается именно в ситуации необходимости обращения к началу. А это означает не просто смену повестки или смену метода. Это означает совершение онтологического действия по восстановлению начала.

Это вылилось в данном случае в предложение – преодоление scientизма, сдвиг в сторону философии жизни в разных версиях: к экзистенциальной философии, к гуссерлевской феноменологии жизненного мира.

Г.-Г. Гадамер показывает, что поворот в истории философии не наступает сам по себе. Он не является следствием желания отдельного философа. Должна созреть определенная социокультурная си-

туация. В то же время поворот осуществляется осознанно и ответственно конкретными авторами «поворотных» работ, осознающими свою роль в этом повороте¹. Поворот «сидит» на конкретных носителях. И он требует от них необходимости не просто дальнейшего шага, но прежде всего возвращения к корням и истокам, началу, с тем, чтобы далее совершить новое начало, но не повтор, а другое начало, что фактически и проделывали каждый на своем опыте: В. Дильтей, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, а в России – М. М. Бахтин, Л. С. Выготский и в целом представители Третьего Славянского Ренессанса [9]².

При этом, замечает Г.-Г. Гадамер, при осуществлении нового другого начала предлагалось радикально иное каркасное, ядерное понятие – понятие жизни, поскольку понятие бытия страдало абстрактностью, хотя и было рамочным. Но с ним нельзя было работать.

Но суть дела не в новом понятии. Новое другое начало предполагало осуществление вновь в новой ситуации повторения опыта начала, опыта Платона и Аристотеля, опыта И. Канта и Ф. Ницше. Другое начало может совершить поворот и обозначить новый горизонт при главном условии – при мышлении о начале, при «продумывании изначального опыта мира».

Г.-Г. Гадамер при этом указывает на «поворот», к которому пришел М. Хайдеггер. Это уже указание на конкретный эпизод и конкретную работу М. Хайдеггера. Позже, уже в 1949 году, немецкий философ сделал доклад, который так и назывался – «Поворот» (*Die Kehre*)³.

А в 30-е годы он переживает поворот от «Бытия и времени» – к Времени и бытию. В большой работе «Вклады в философию. От

---

¹ Осознанность и осмысленность своего действия как нового начала, как поворота, видны и по самим работам «поворотных» авторов. Это видно по таким работам, как «Вклады в философию. От события» М. Хайдеггера, «К философии поступка» М.М. Бахтина, и т.д. Эти работы и по своему жанру, и по своей грамматике выглядят как тексты, манифестирующие новое начало.

² Наиболее глубоко и ярко о новом другом начале сказал М.М. Бахтин в своей недописанной пионерской работе «К философии поступка», заявив целую программу, отличную как от советского идеологического проекта, как от западной рационалистической традиции, так и от русской софиологии. Работы же Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера он не знал и не мог знать [см. подр. 10; 18].

³ Die Kehre – поворот, извилина дороги, разворот, выраж.

события» его интересует уже не метафизика, не онтология, даже не бытие («я уже неохотно употребляю это слово»), а «другое начало» (*Der andere Anfang*), которое необходимо осуществить, предварительно вернувшись назад, дабы добраться до истока. На его родном наречии слово *Die Kehre* означает место крутого поворота на извилистой тропинке, когда приходится повернуть почти обратно, с тем, чтобы затем подобраться ближе к перевалу. Это изгиб на неторной тропе, на нехоженной дорожке, по которой идет путник. В те же 40-е годы М. Хайдеггер пишет «Неторные тропы» (*Holzweg*), сравнивая философа с путником, идущим по неторной тропе [24; 25].

Если выделять ключевой признак, показывающий, что желаемая социокультурная ситуация сложилась и назревает поворотность, то таковым выступает главный – дефицит мышления. Мы вновь разучаемся мыслить, то есть понимать, что происходит в мире, что происходит с нами. Ситуация онтологической дезориентации, о которой писал в выше приведенном отрывке Г.-Г. Гадамер, подтолкивает нас к совершению поворота. Он не происходит сам собой. Он осуществляется конкретными поворотными авторами. Но он должен вызреть. Яблоко должно созреть и упасть с дерева, с тем, чтобы его потом подобрать.

Нужно вновь начать мыслить, обращаясь к началу. Нужно свернуть с магистрали на тропинку и идти по нехоженной, извилистой дорожке, чреватой поворотами, дабы попасть к источнику. К.Ф. фон Вайцеккер вспоминал свои прогулки с М. Хайдеггером: «Однажды он повел меня по лесной дороге, которая сходила на нет и оборвалась посреди леса в месте, где из-под густого мха проступала вода. Я сказал: “Дорога кончается”. Он хитро взглянул на меня: “Это лесная тропа (*Holzweg*). Она ведет к источникам”» [цит. по: 2, с. 5–6].

Метафора поворота как изгиба по неторной тропинке нужна философу для показа целой серии моментов поворота. Поворот суть сход с магистрали, на неторную дорожку. Чтобы снова начать, надо вновь найти утраченный источник. Надо свернуть с магистрального движения в сторону, но свернув, ты попадаешь на неторную тропу. Поворот суть отказ от последовательности и поступательности движения и отказ от привычки вести историю в жанре рассказа о последовательных событиях. Поворот – это не новая глава в многотомной истории мысли, представленной как многовековой единый процесс.

Повернуть – значит закрыть ранее написанную книгу и вновь начать писать историю с чистого листа⁴.

«Мы еще слишком бездумно склонны по привычке представлять себе историю, исходя из процесса, а в этом последнем видеть последовательность фактов, фиксируемых историографией. Мы очерчиваем историю рамками происходящего вместо того, чтобы осмыслить историческое соразмерно его настоящим истокам из события. Событие в своем существе есть то, что послано бытием, причем так, что само бытие сбывается и пребывает в том или ином событии и соответственно вместе с событием изменяется» [23, с. 253].

Соответственно, поворот означает эту самую событийность, которая в своем существе есть факт возвращения бытия, которое, в свою очередь, «требуется человека». Последнее означает призыв к нашей мысли. Мыслить мы разучились. Точнее, не хотим вновь этого делать. Бытие есть «вызов нашей мысли». И здесь круг у М. Хайдеггера замыкается, поскольку мыслить – значит содействовать существу бытия.

«Иными словами, готовить (создавать) среди сущего те места для существа бытия, в которых оно говорило бы о себе и своем пребывании. ... Возвращение в бытие как событие поворота, обращающего забвение в хранение, возвратит нас к существу нынешней эпохи бытия» [23, с. 254–256].

Существо поворота, по М. Хайдеггеру, означает возвращение бытия человеку, а последнее предполагает обретение им своего места. Онтологический поворот есть поворот антропологический. Но оба означают поворот мышления, требующий возврата к утраченным истокам, возвращения к началу, совершения нового другого начала. Только таким образом человек обретает свое обетованное место. Это место человека в бытии и означает его онтологическое присутствие:

«Присутствие значит постоянное, задевающее человека, достигающее его, ему врученное пребывание» [23, с. 398].

Пребывание же означает присутствие во времени:

---

⁴ Я склонен думать, что такие «веховые», «поворотные» авторы, как М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер вообще мыслили всегда поворотами, постоянными изгибами. Их мысль сродни ходьбе путника, идущего по извилистой дорожке. А их переживания в мире мысли схожи с пребыванием этого самого путника в чужом лесу, в непроходимой чаще, на проселках, тропинках, нехоженых тропах (см. [24; 25]).

«Время не есть. Время имеет место ... Время и бытие сбываются в событии» [23, с. 400].

Эпистрофе

На фоне многочисленных разговоров о различных поворотах на ум приходит то, что вообще-то само по себе философствование есть поворот, то есть возвращение к первоосновам, к началу, к самому себе. П. Адо, обсуждая опыт философствования в Античности, обращал внимание на то, что он представляет собой опыт обращения к началам посредством духовных упражнений, практик заботы о себе, опыт *ἐπιστροφῆς*, опыт возвращения к началу, к истоку, посредством которого, обращения, возможно преобразование себя. В латинском варианте это означает конверсию (*conversion*). И то, и другое предполагает как самое простое – изменение точки зрения, изменение мнения, так и глубинное преобразование личности и переворот сознания. В пределе, и здесь вступает в дело еще одно понятие, метанойа (*μετάνοια*), такой переворот предполагает покаяние и «умопремену», перемену ума, трансформацию мышления, переустройство всего строя личности [1, с. 199 и др.]. Конверсия в латинском или эпистрофе в древнегреческом означают главный смысл практики заботы – чтобы пережить и прожить перерождение и возрождение, необходимо вернуться к первоначалу. Перерождение личности невозможно без обращения к родовым истокам. Вся античная философия с точки зрения французского исследователя означала практики духовных упражнений, а не построение доктрин, а в основании этих упражнений лежал опыт заботы о себе. На этом строится богатый репертуар упражнений⁵.

⁵ Если П. Адо рассматривал античный опыт в академическом ключе как университетский профессор, то уже М. Фуко относился к этому опыту через призму современной ему ситуации. Он разрабатывал свой проект практик себя на основе изучения опыта заботы о себе у римских стоиков и в раннем христианстве в качестве образца для современной ему ситуации, требующей нового начала, поворота, который необходимо осуществить, опираясь на богатую духовную традицию в духе: нам всем необходимо самих себя переначать. Поворот понимался им уже не как смена эпистем (историю которых он ранее описывал), а как опыт переиначивания себя, опыт перемены ума и строя личности [22].

В христианской традиции такая практика была продолжена. Она легла в основание канона монашеской духовной аскезы. На этом строится далее и участный органон аскезы и молитвенных практик⁶.

За христианским и античным горизонтом стоит еще более дальний горизонт, горизонт большого Мифа, архетипичного для всех первобытных культур. Это горизонт родового начала, приобщение к которому выступает обязательной практикой мифа, живущего в ритуалах приобщения и обращения. Рождение человека и его дальнейшая жизнь связаны с его приобщением к сакральному истоку. Посредством ритуалов перехода (разного рода лиминальные пограничные практики), приобщаясь к родовому началу, человек становится реальным в этом мире. Без приобщения к сакральному началу человек и род не мог считаться действительным, существующим. Собственно приобщение к началу творения и есть поворот, предполагающий вечное возвращение к началу, что выступает сердцевиной жизни в мифе. А миф живет через ритуалы приобщения и обращения (см. [20; 21; 28])⁷.

Исследователь мифа М. Элиаде делает вывод:

«...в конечном итоге желание восстановить Время начала – это желание пережить время, когда боги присутствовали на земле, обрести сильный, свежий и чистый Мир, такой, каким он был *in illo tempore*. Это жажда священного и одновременно ностальгия по Бытию» [28, с. 63].

В.Н. Топоров вслед за М. Элиаде на основе исследования огромного массива данных делает вывод о том, что создание мифа не заключается в сочинении легенд и сказок, за которыми никакая реальность не стоит. Наоборот, мифология предполагает «создание наибо-

---

⁶ В работах С. С. Хоружего проделана работа по реконструкции православного участного органона, на котором должна выстраиваться практика аскезы личности [26].

⁷ Понято, что древний опыт обращения и возвращения к сакральному началу можно объяснить и сугубо земными причинами, увязывая его с календарными годовыми циклами, сбором урожая, сменой времен года, добычей пропитания. Это так и было. В основе любого мифа лежит естественное природное или социальное явление. Как молния становится символом Зевса или Перуна. Но мы обсуждаем поворот как феномен человеческого сознания. Архаичное сознание понимало обращение к началу в сакральном смысле, а не просто как добычу хлеба и воды. Мы ведем речь о модели мира, которая выстраивалась в архаичных культурах и мифологиях (см. реконструкцию модели мира в архаичных мифах [21]).

лее семантически богатых, энергетических, имеющих силу примера образов действительности», она направлена на то, чтобы структурировать пространство и время человека, его мира обитания, с тем, чтобы не ввергнуться в хаос, немоту и бессловесность [20, с. 5]. Для архаичной культуры высшим смыслом обладает то в мире, что сакрально, а сакрально то, что исходит из начала творения мира. Последнее живет в постоянных ритуалах возрождения начала и приобщения к нему. Начало воспроизводится посредством ритуала перехода и возрождения. На постоянном повторении ритуалов приобщения и возрождения строится духовная традиция [20, с. 11].

Базовый инвариантный сценарий поворота тем самым выстраивается на основе действия, заложенного в ритуале приобщения к началу, в коем воспроизводится это начало, но на новом, современном повороте материале. Каждый носитель поворота должен в этом акте (актах) поворота возрождать исходное сакральное начало творения мира. Поворот есть аналог нового рождения начала. Если этот базовый сценарий в объявленном повороте не закладывается и сознательно не выстраивается, то он редуцируется в манифесты, теоретические дискуссии, переименования и перестановки имен, порождение большого количества не всегда содержательных текстов⁸.

⁸ Основным стержнем такого сценария, положенного в основании архаичного родового мифа, выступает пошаговое проживание ситуации наступления Хаоса и затем его преодоление путем построения модели мира, порядка, Космоса. Носителем такого преодоления хаоса выступает культурный герой, приносящий себя в жертву для борьбы с Хаосом и его представителями (хтоническими природными стихиями и проч.). Олицетворениями образа культурного героя выступают царь, священнослужитель и поэт (философ) [21]. В целом, если перевести сказанное на обмирщенный язык и в опыт каждого индивида, то собственно его возрождение и становление в качестве взрослого ответственного существа предполагает формирование ясного, структурированного сознания, опирающегося на духовные опоры и ориентиры. Человек же еще не ставший, ребенок, растерянный и потерянный, и есть буквально несобранный, не обретший опоры и ориентиры, его поведение деструктурировано и бесцельно. Он онтологически дезориентирован. Созидание мира и себя в мире есть структурирование своего хронотопа по образцам, заложенным еще во Время Оно, в сакральном начале. Собираение себя в точку и структурирование своего умного действия есть смысл духовных упражнений и духовных практик, а также молитвенной практики духовной аскезы в различных духовных традициях, в том числе у православных монахов.

Ю.А. Шичалин тонко подметил, что культура в принципе имеет своим конституирующим началом парадигму возвращения, обращения к своему истоку, началу [27]. Возвращение, эпистрофе, вообще есть необходимый момент рефлексии, готовность культурных форм (в том числе философской мысли) к осмыслению своих начал и потребности вновь ощутить, нащупать свою почву, твердь, от которой надобно вновь оттолкнуться в моменты распада и забвения и идти дальше. Постоянный пересмотр своих начал есть необходимое условие вообще существования культуры.

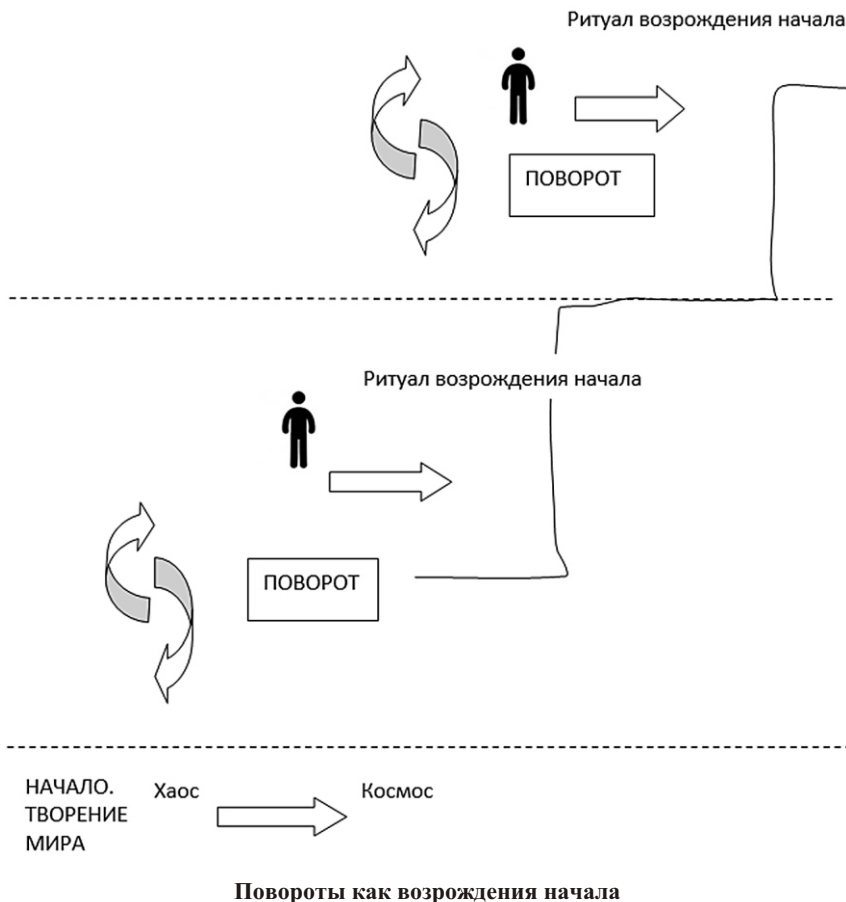
В свою очередь и эпистрофе выступает частью триады, базовой схемы, по которой и выстраиваются большие периоды истории, как это и было выработано в неоплатонизме: сначала период *пребывания* (μονή), процесса, ровного течения, затем период *исхождения* (πρόοδος), отказа от себя, дробление на части, побеждают центристские силы, затем *возвращение* к началам (ἐπιστροφή), восстановление утраченной целостности [27, с. 11 и др.]⁹. Изначальное пребывание бытия в силу своей полноты провоцирует исход из себя онтологического избытка за свои пределы, дробление полноты на части, отступление от себя, выход из себя. Затем в силу обратного процесса, онтологического недостатка, предполагается возвращение к себе, к изначальной целостности [27, с. 11].

Обозначим базовую схему так понимаемого поворота как обращения к началу и представления таким образом и самой истории как ломаной линии обращений к началу и его возрождению (см. рисунок).

Условно историю философии можно представить в виде такой ломаной линии возвращений, повторов и сдвигов, новых возвращений и новых сдвигов, но никак не в виде поступательной линии развития (см. рисунок)¹⁰.

⁹ Ю.А. Шичалин вообще допускал возвратную модель базовой моделью в истории культуры, она, будучи отработанной на античном материале, затем многократно повторялась в истории [27, с. 10]. Затем трехчастную модель пути к себе (пребывание – исход – возвращение) через практики богообщения стали применять исихасты на личном молитвенном опыте.

¹⁰ В.В. Библихин ссылается в своих лекциях на один момент у Л. Витгенштейна, в котором тот отмечает, что самое сложное для человека, как для всякого живого существа, – это двигаться назад. Мы привыкли идти вперед, всегда поступательно. И весь прогресс так построен – как движение только вперед. А назад мы

Многие повороты в XX веке были связаны со сменой тематики, языковыми играми, сменой повестки, но не всегда обращались к ба-

не привыкли, не умеем, не любим. Вот Л. Витгенштейн и совершил попытку – сделать шаг назад, обратиться вспять, совершить «смену аспекта». Поэтому в ФИ он пишет: «Какова твоя цель в философии? Показать мухе выход из мухоловки» [ФИ 309]. Залезть в мухоловку муха может быстро, а вот обратно вылезти не может, не умеет, не привычно. Для этого надо осуществить шаг назад. Поворот в истории философии – это и есть задний ход из мухоловки, предполагающий попытку понять, почему и как это мы все оказались в очередном тупике.

зовому сценарию поворота, предполагающему возвращение к началу и попытку восстановить новую целостность мира и вернуть человеку его место. Ведь сам поворот начинается с осознания самой ситуации – ситуации хаоса и утери целостности мира, утери человеком смысла и духовных опор, утери способности мыслить свое начало. Это принятие ситуации утери понимается «культурным героем» (его персонализациями – поэтом, философом) как личное культурное задание, как знак судьбы. И тогда поворот выступает как ответ на этот вызов, как выполнение им этого задания. Носитель поворота претендует на то, что он выстраивает, восстанавливает на себе, собой, через свой опыт, новое начало мира, дабы выработать ответ на радикальный вызов – грядущий хаос и конец мира.

Антропологический поворот

Поворот всегда предполагает праздник возрождения, собирания человеком себя в точку и центрирование мира вокруг духовных опор на новом жизненном материале, в новых формах жизни, но это все равно собирание мира в целостность. Но потому он и осуществляется, что носители поворота чувствуют необходимость этого шага собирания мира на самом себе.

Можно сказать, что в XX веке фактически на разном материале и в разных версиях была одна большая попытка осуществить один такой поворот – антропологический поворот, тянувшийся в течение всего века, начиная с работ В. Дильтея, Ч.С. Пирса, М. Шелера, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля, К. Ясперса, М.М. Бахтина, Э. Кассирера, Г. Плеснера, С.Л. Франка, М. Бубера, Л.С. Выготского, П.А. Флоренского (это плеяда 10-х-20-х годов) и заканчивая работами позднего М. Фуко, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкого и далее С.С. Хоружего и других авторов возрождения философской антропологии (см. [4; 5; 6; 7; 8; 11; 15; 17])¹¹.

¹¹ Список имен всегда будет неполный. Тем более, если учитывать, что антропологический поворот тотален, он воплощается во многих сферах и видах деятельности, в разных науках и искусствах и принимает разные формы и имена. См., например, развертывание антропологического поворота в настоящее время в гу-

Представители антропологического поворота фактически осуществили попытку радикальной переориентации философии в целом, не только смену повестки. Такая переориентация не может быть сведена к созданию отдельно взятой, очередной философской дисциплины и не может осуществиться в рамках одного исторического такта. Во многих работах об этой переориентации уже говорилось [4; 5; 6; 7; 8; 15; 17]¹². Вкратце она заключается в следующем:

1. Переход от эссенциалистской парадигмы к разного рода опыту энергичности, к духовным практикам преображения, к отказу от рассмотрения человека как объекта описания и исследования, обладающего некоей сущностью, в пользу человека как всегда возможного сущего, способного к преображению и преодолевающего свои границы.

2. Отказ от разного рода наукомерных моделей, базирующихся на привычных дуальных оппозициях типа субъект и объект, сущность и явление, внешнее и внутренне, естественное и искусственное, в пользу поисковых моделей, выстраиваемых всякий раз под новые практики.

3. Проведение сквозного человекомерного принципа во взглядах на мир и социум, на сферы жизнедеятельности и попытка видеть везде меру человека.

манитарных науках, в литературоведении, включая все свои составляющие: свой манифест, героев, опорные тексты и т.д. (см. [12; 13; 14]). Правда, новизна здесь в методологическом плане почти не прослеживается. Речь идет опять о старом лозунге носителей АП – назад к человеку, необходимо обратиться к человеку, о чем давно уже писал, например, М.М. Бахтин, говоря, что сквозь текст мы рано или поздно упрямся в человека.

¹² Некоторые авторы полагают, что назрела ситуация возрождения и самой философской антропологии, проект которой, казалось, был завершен как отдельное направление. Авторы полагают востребованность человекомерного дискурса, настаивают на том, что собственно философско-антропологический большой разговор должен вернуться, обрести свое новое начало, поскольку достижения наук и высоких технологий показывают явно выраженный дефицит понимания того, в какой неблагоприятной ситуации оказался человек в целом [14]. Полагаю, что возвращение ФА невозможно. Именно в связи с вышеназванным преодолением дисциплинарного подхода. Но проникновение человекомерного дискурса во все аспекты и сферы жизнедеятельности становится все более актуальным.

4. Отказ от построения доктрин и концепций о человеке, отказ от поиска абстрактной идеи человека в пользу выработки репертуаров и ансамблей антропопрактик развития, среди которых не только художественные, культурные, религиозные практики, но и практики исследования, проектирования и конструирования.

5. Тем самым антропологически ориентированный дискурс выступает сквозным, рамочным, мерным для любого другого дискурса и проекта развития, преодолевающим узкодисциплинарный подход.

6. Методологическое переоснащение не только гуманитарных и социальных наук, но и всей научной сферы, предполагающее внедрение рефлексивных антропопрактик в самые разные научные и социальные дискурсы и проекты, изменение словарей и парадигм через встраивание в них человекомерных дискурсов и текстов.

Фактически этот долгий, длящийся в несколько этапов, не законченный до сих пор, проходящий с перерывами и паузами и вновь возобновляющийся антропологический поворот может быть рассмотрен как рамочный для всех вышеназванных поворотов, поскольку именно он претендует на восстановление целостности мира и его сохранение через возрождение человека, его целостности, возвращение человека к своему бытию и предназначению посредством восстановления его места в мире и его родовых духовных начал. Все остальные повороты суть его манифестации, воплощающиеся в поиске нового инструментария, новых способов, методов, нового языка, новых средств его осуществления. Потому XX век и кажется богатым на разнообразные повороты, поскольку все они пытались преодолеть обнаруженные у человека дефициты: языка, понимания, средств познания, объяснения, средств действия, воображения, представления, способов обретения и построения своего места в мире. Человек в течение всего века обнаруживал в себе самом тотальный дефицит, тем самым подтверждая вердикт М. Шелера, констатировавшего, что человек, увлекшись познанием и овладением мира, самого себя до сих пор и не знает.

Условно говоря, названные повороты суть перформативы, акты исполнения одного, антропологического, поворота, его форм представления и манифестаций. А потому они никак не заканчивались

и всякий раз проявляли себя в новой ипостаси, поскольку они были суть проявлениями онтологической недостаточности человека, ищущего постоянно свое новое начало¹³.

На этом фоне лингвистический или риторический, прагматический или биографический повороты выглядят как метафоры, брошенные тем или иным автором, акцентирующим внимание на очередной обнаруженный дефицит, означающий, что мы еще не обсудили ту или эту тему, а они крайне важны, актуальны, а человек, мол, испытывает крайний дефицит средств для разговора на эту тему, и тем самым разворачиваются целые направления исследований¹⁴.

¹³ Явно выраженной редукцией выглядит допущение, что XX век – это век лингвистического поворота, а последний является характерной чертой философии XX века [19, с. 153]. Авторы лингвистического поворота, указавшие на то, что философы, особенно метафизики типа М. Хайдеггера, неправильно говорят, у них неправильная грамматика, почему-то забывали указать, что речь идет о конкретных людях, неправильно говорящих. Но что мешает говорить правильно? И что значит правильно говорить? Почему кто-то говорит правильно, а кто-то неправильно? Ситуация антропологического или онтологического дефицита редуцировалась до ситуации дефицита языковых и логических средств анализа, в итоге мы получаем логический анализ, новый тренд в философии, заслоняющий более глубокий – это человек разучился говорить, точнее, разучился мыслить, он потерял себя и свое место, потерял ориентацию. Ему надо вернуться к себе и тогда он найдет язык, он научится вновь говорить, как это было показано в начале фильма А. Тарковского «Зеркало»: «Я могу говорить!». Если человек находит вновь утраченное начало, то он вновь научается говорить.

¹⁴ В.В. Савчук ссылается на К. Вульфа, представителя исторической антропологии, полагающего, что лингвистический, иконический и перформативный повороты суть части и подступы к главному повороту XX века – антропологическому [16, с. 143]. Все три поворота суть повороты к антропологическому способу рассмотрения мира. Первый увязывает место человека, его сознание, с языком и его структурами, второй – с ролью воображаемого, третий указывает на действие и исполнение. В итоге все они означают способы, методы, манифестации человека, выбираемые разными исследователями. Но все они увязаны со сдвигом места человека. На последнее обращал внимание уже не только хрестоматийный М. Шелер, но и задолго до него И. Кант, И.Г. Фихте, далее С. Кьеркегор, К. Маркс, Ф. Ницше, Л. Фейербах. Все они обращали внимание на базовое неблагополучие человека в мире и его кенозис, сужение его духовного горизонта существования. Их концепции подготовили собственно сам антропологический поворот, начавшийся в 10-20-е годы XX века [17].

Заключение

Повороты человеку необходимы. История культуры, история философии, живут поворотами. Но они делают свою созидательную работу тогда, когда предполагают обращение к источнику рождения и возрождения, обращение к животворному началу с тем, чтобы новая повестка наполнялась живительной силой, наполняющей энергией новое слово, дающей импульс для нового созидания, дабы не ввергнуться в хаос и безумие пустого переименования и переименования, за которыми стоят всего лишь гордыня нарциссизма и самолюбования их авторов.

Если мы оглянемся на вышеприведенный краткий обзор всевозможных названных поворотов, то мы можем увидеть, что в XX веке происходит кенозис феномена поворотов. Большинство так называемых поворотов не предполагает обращения и восстановления родового истока. Они все сводятся лишь к смене темы, повестки, поиску новых инструментов, практических средств. В большинстве своем носителей разнообразных поворотов не интересует произошло ли постижение глубин в познании миров, их интересует то, кто оказался более эффективен в техническом овладении миром. Уже никто не заботится о золотом каноне в истории философии. Р. Рорти в итоге победил, ратуя за пользу и счастье людей. Но его последователи пошли дальше. В настоящее время актуальными становятся разнообразные проекты, связанные с техническим прогрессом и конкуренцией за овладение ресурсами мира и сознанием людей (см. В.В. Савчук о медиальном повороте [29]). Поэтому повороты будут случаться и дальше, они будут становиться все более жесткими, агрессивными, связанными с борьбой за умы и сердца людей, носить характер медийных информационных атак, осуществляемых с помощью самых разных изощренных средств, помогающих манипулировать массовым сознанием. В информационных и гибридных войнах все средства хороши. И мы все дальше и дальше будем отходить от своего начала, забывая самих себя.

Литература

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.

2. *Бибихин В.В.* Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 3–14.
3. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
4. *Говорунов А.В.* Философская антропология – возвращение проекта // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 12–20.
5. *Гумбрехт Х.У.* Как антропологический поворот может затронуть гуманитарные науки? // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 18–24.
6. *Долмейр Ф.* Возвращение философской антропологии. Субъективные размышления // Человек. 2010. № 4. С. 5–11.
7. *Конец В.А.* Антропологический поворот/разворот культуры – новый вариант проекта модерна // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 5–11.
8. *Марков Б.В.* Антропологический поворот в философии XX века // Очерки социальной теории. М., 1994.
9. *Махлин В.Л.* Третий Ренессанс // Бахтиология. Исследования, переводы, публикации. СПб.: Алетейя, 1995. С. 132–154.
10. *Махлин В.Л.* Философская программа М.М. Бахтина и смена парадигмы в гуманитарном познании. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1997. 54 с.
11. *Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы. В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. СПб.: ИД «Мирь», 2011. 336 с.
12. *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 27–36.
13. *Платт К.М.Ф.* Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста // Новое литературное обозрение. 2010. № 106.
14. *Прохорова И.Д.* Новая антропология культуры: Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 9–16.
15. *Ростова Н.Н.* Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 93–98.
16. *Савчук В.В.* Метафора поворота в философии // Философские науки. 2010. № 10. С. 135–150.
17. *Смирнов С.А.* Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 23–35.
18. *Смирнов С.А.* Метод М. М. Бахтина // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2023. № 18. С. 280–323.
19. *Современная западная философия.* Энциклопедический словарь. М.: Культурная революция, 2009. 392 с.
20. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования области мифопоэтического: Избранное. М.: ИГ «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
21. *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естество-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8–40.

22. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 уч. году / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
23. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993. 447 с.
24. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
25. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
26. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 352 с.
27. Шичалин Ю.А. 'Ελιετροφί или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М.: ЛИА «ДОК», 1994. 128 с.
28. Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. 144 с.

References

1. Hadot, P. (2005). Duhovnye uprazhnenija i antichnaja filosofija [Spirit Exercises and Ancient Philosophy]. Moscow; St. Petersburg: Stepnoj Veter Publ; Kolo Publ., 448. (In Russ.).
2. Bibikhin, V.V. (1993). Delo Hajdeggera [The Heidegger Affair]. Heidegger M. Vremja i bytie [The Time and Being]. Moscow: Respublika Publ., 3–14. (In Russ.).
3. Gadamer, H.-G. (1991). Aktual'nost' prekrasnogo [The Relevance of Beauty]. Moscow: Iskusstvo Publ., 367. (In Russ.).
4. Govorunov, A.V. (2014). Filosofskaja antropologija – vozvrashhenie proekta [Philosophical Anthropology – The Return of the Project]. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury [International Journal of Cultural Studies], 2 (15), 12–20. (In Russ.).
5. Gumbrecht, H.U. (2012) Kak antropologicheskij povорот mozhet zatronut' gumanitarnye nauki? [How might the Anthropological Turn Affect the Humanities?]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 114, 18–24.
6. Dolmejr, F. (2010) Vozvrashhenie filosofskoj antropologii. Subjektivnye razmyshlenija [The Return of Philosophical Anthropology. Subjective Reflections]. Chelovek [Chelovek], 4, 5–11. (In Russ.).
7. Konev, V.A. (2014). Antropologicheskij povорот/razvorot kul'tury – novyj variant proekta moderna [Anthropological Turn/reversal of Culture – a New Version of the Modernist Project]. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury [International Journal of Cultural Studies], 2(15), 5–11. (In Russ.).
8. Markov, B.V. (1994). Antropologicheskij povорот v filosofii XX veka [The Anthropological Turn in XX century Philosophy] Oчерki social'noj teorii [Essays on Social Theory]. Moscow.
9. Makhlin, V.L. (1995). Tretij Renessans [The Third Renaissance]. Bahtinologija. Issledovanija, perevody, publikacii [Bakhtinology. Research, translations, publications]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 132–154. (In Russ.).

10. *Makhlín, V.L.* (1997). *Filosofskaja programma M. M. Bahtina i smena paradigmy v gumanitarnom poznanii* [The Philosophical Program of M. M. Bakhtin and the Paradigm Shift in Humanitarian Knowledge]. Moscow, 54. (In Russ.).

11. *Ogurtzov, A.P.* (2012). *Filosofija nauki: dvadcatyj vek: koncepcii i problemy*. [Philosophy of Science: Twentieth Century: Concepts and Problems]. Part 3. St. Petersburg: Mir Publ., 336. (In Russ.).

12. *Poseljagin, N.* (2012). *Antropologicheskij povorot v rossijskikh gumanitarnykh naukah* [Anthropological turn in Russian humanities]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 113, 27–36. (In Russ.).

13. *Platt, K.M.F.* (2010). *Zachem izuchat' antropologiju? Vzgljad gumanitarija: vmesto manifesta* [Why Study Anthropology? A Humanitarian's View: Instead of a Manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 106, 11–15. (In Russ.).

14. *Prohorova, I.D.* (2009). *Novaja antropologija kul'tury: Vstuplenie na pravah manifesta* [New Anthropology of Culture: Introduction as a Manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 100, 9–16. (In Russ.).

15. *Rostova, N.N.* (2020). *Antropologicheskij povorot v filosofii: antropologija vs ontologija* [The Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs. Ontology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 456, 93–98. (In Russ.).

16. *Savchuk, V.V.* (2010). *Metafora povorota v filosofii* [Metaphor of a Turn in Philosophy]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 10, 135–150. (In Russ.).

17. *Smirnov, S.A.* (2017). *Antropologicheskij povorot: ego smysl i uroki* [The Anthropological Turn: Its Meaning and Lessons]. *Filosofija i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2, 23–35. (In Publ.).

18. *Smirnov, S.A.* (2023). *Metod M.M. Bahtina* [M.M. Bakhtin's method]. *Chelovek.RU* [Chelovek.RU], 18, 280–323. (In Russ.).

19. *Sovremennaja zapadnaja filosofija. Jenciklopedicheskij slovar'* (2009) [Modern Western Philosophy. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija Publ., 392. (In Russ.).

20. *Toporov, V.N.* (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic: Selected]. Moscow: Progress – Kul'tura Publ., 624. (In Russ.).

21. *Toporov, V.N.* (1982). *Pervobytnye predstavlenija o mire (obshhij vzgljad)* [Primitive Ideas About the World (General View)]. *Ocherki istorii estvenno-nauchnykh znaniy v drevnosti* [Essays on the History of Natural and Scientific Knowledge in Antiquity]. Moscow: Nauka Publ., 8–40. (In Russ.).

22. *Foucault, M.* (2007). *Germenevtika subjekta: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans* [Hermeneutics of the Subject: Course of Lectures Delivered at the Collège de France]. In 1981–1982. Transl. from France. A.G. Pogonjajlo. St. Petersburg: Nauka Publ., 677. (In Russ.).

23. *Heidegger, M.* (1993). *Vremja i bytie* [Time and Being]. Moscow: Respublika Publ., 447. (In Russ.).

24. *Heidegger, M.* (1991). Razgovor na proselochnoj doroge [Conversation on a Country Road]. Moscow: Vysshaja Shkola Publ., 192. (In Russ.).

25. *Heidegger, M.* (1993). Raboty i razmyshleniya raznyh let [Works and Thoughts from Different Years]. Moscow: Gnozis Publ., 464. (In Russ.).

26. *Khorujy, S.S.* (1998). K fenomenologii askezy [Towards the Phenomenology of Asceticism]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoj literatury Publ., 352. (In Russ.).

27. *Shichalin, Yu.A.* (1994). Ἐπιστροφή ili Fenomen «vozvrasheniya» v pervoj evropejskoj kul'ture [Ἐπιστροφή or the Phenomenon of "Return" in the First European Culture]. Moscow: LIA «DOK» Publ., 128. (In Russ.).

28. *Jeliade, M.* (1994). Svjashhennoe i mirskoe [Sacred and Profane]. Moscow: MSU Publ., 144. (In Russ.).

Информация об авторе

Смирнов Сергей Алевтинович – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

smirnoff1955@yandex.ru

Information about the author

Smirnov, Sergey Alevtinovich – Institut of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

smirnoff1955@yandex.ru

Дата поступления 11.06.2025.

Принята к публикации 01.09.2025.